

A black and white photograph showing three soldiers in full chemical warfare protective suits, including gas masks and hoods, walking in a field. The soldier in the foreground is on the right, facing away from the camera. The other two soldiers are in the background, one on the left and one in the center. The image has a grainy, high-contrast appearance.

**КОНВЕНЦИИ
О ЗАПРЕЩЕНИИ
ХИМИЧЕСКОГО
ОРУЖИЯ:**

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

КОНВЕНЦИИ О ЗАПРЕЩЕНИИ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

1. Почему химическое разоружение обеспечивает интересы безопасности Российской Федерации? Не приведет ли расширение НАТО к необходимости сохранить химическое оружие?

Интересы безопасности России обеспечиваются поддержанием эффективного потенциала сдерживания, который исключал бы агрессию против РФ, ее друзей и союзников. Такой потенциал сдерживания обеспечивается поддержанием ядерных средств сдерживания на уровне, достаточном для обеспечения стратегического паритета, а также поддержанием обычных вооруженных сил на ключевых военно-стратегических направлениях на уровне достаточности.

Химическое оружие, с учетом других имеющихся на вооружении сил и средств, не является и не являлось ранее средством сдерживания. Вооруженные силы эффективно защищены от применения химического оружия, располагают современными средствами защиты. Химическое оружие способно лишь привести к колоссальным потерям среди гражданского населения.

Всякое оружие может быть эффективным лишь в том случае, если его поддерживать в высокой степени боеготовности. Это требует продолжения производства химоружия. Возобновить же его производство Россия не сможет в ближайшей перспективе как по политическим, так и по экономическим соображениям. Нет необходимости в возобновлении производства и с военной точки зрения, поскольку сдерживание агрессии против России обеспечивается другими видами вооружений. В этих условиях хранение устаревшего и небезопасного в экологическом отношении оружия является пустой тратой средств.

Именно поэтому химическое оружие исключено из военной доктрины России. Интересы безопасности РФ будут обеспечены посредством отказа и уничтожения запасов химического оружия

во всем мире. При этом для России сохранение химического оружия не имеет смысла даже в условиях, когда им обладает потенциальный противник. Ясно, что применение такого оружия против российских вооруженных сил привело бы к сокрушительным ответным мерам с применением всех имеющихся в нашем распоряжении видов оружия.

Поскольку химическое оружие более не является средством сдерживания, его сохранение не имеет смысла и в качестве контрмеры против расширения НАТО. Наоборот, освободившись от бремени хранения устаревших запасов химического оружия в Европе, Россия сможет вложить сэкономленные таким образом в перспективе средства на создание более эффективных средств сдерживания НАТО, если НАТО будет в отдаленной перспективе представлять собой военную угрозу для России.

2. Не следует ли подождать с ратификацией до того, пока не будет создана материальная база для уничтожения химического оружия?

Ждать с ратификацией до того, пока не будет создана база для уничтожения химического оружия, не имеет смысла с учетом положений Конвенции и других обстоятельств. Отсчет сроков ликвидации химического оружия начинается с момента вступления Конвенции в силу и не зависит от того, когда то или иное государство присоединится к Конвенции. В этом смысле мы не выторгуем себе дополнительное время для создания материальной базы, отложив ратификацию Конвенции на потом. Более того, наши усилия по созданию такой базы могут быть серьезно затруднены в условиях нератификации Конвенции. Международная помощь России на уничтожение химического оружия уже сегодня обуславливается необходимостью присоединения России к Конвенции. Создавать же материальную базу, опираясь только на собственные ресурсы, будет значительно дороже. Следует учитывать и возрастание расходов на хранение и уничтожение химического оружия по мере его старения.

Заложенный в Конвенции подход к уничтожению ХО основан на понимании того, что процесс уничтожения этого оружия будет начинаться с нуля и идти по нарастающей. Именно поэтому в Конвенции оговорено, что в течение первых трех лет после ее вступления в силу страной, имеющей химическое оружие, должен быть уничтожен всего 1 процент всех запасов химического оружия, а по окончании пяти лет - 20 процентов всех запасов.

Более того, в Конвенции (п.21 части IVA Приложения по осуществлению и проверке) прямо говорится, что если государство не успевает уложиться в эти сроки, то оно вправе предложить изменить их. Эти предложения, вместе с соответствующим обоснованием, должны быть внесены в ОЗХО не позднее чем через 120 дней после вступления в силу Конвенции, то есть, до 29 октября 1997 года. Мы, таким образом, вправе скорректировать сроки уничтожения согласно оценкам реальных сроков создания материальной базы. Однако добиться этого можно только став участником Конвенции с самого начала ее действия. Корректировка сроков уничтожения возможна и на последующих этапах, включая продление срока уничтожения с 10 до 15 лет.

3. Надо ли присоединяться к Конвенции в условиях, когда страны Ближнего Востока отказываются стать ее участниками и когда некоторые соседи РФ ее еще не ратифицировали?

Россия несомненно заинтересована в нераспространении химического оружия (как и всех других видов оружия массового уничтожения) и в уничтожении запасов химического оружия теми, кто таким оружием может располагать. Достижение этой цели наилучшим образом обеспечит безопасность наших южных границ.

Эта цель может быть обеспечена только посредством обеспечения универсального охвата Конвенцией о запрещении химического оружия всех государств, располагающих потенциалом для его производства. Если Россия откажется от ратификации Конвенции о запрещении химического оружия или отложит ратификацию, это лишь даст дополнительные аргументы тем, кто еще не

присоединился к Конвенции, не делать этого и далее. Поскольку сдерживание возможной агрессии против России обеспечивается не химическим оружием, а другими средствами, то ратификация Конвенции в условиях, пока к ней не присоединились все государства (включая некоторые "пороговые" страны), не подорвет обороноспособности страны. Более того, ратификация даст нам возможность воздействовать на упомянутые страны в направлении присоединения к Конвенции, что будет способствовать развязывания узлов региональной напряженности и содействовать укреплению режимов нераспространения не только применительно к химическому, но и к ядерному оружию.

4. Не приведет ли система проверки по Конвенции к подрыву обороноспособности страны?

Система проверки по Конвенции сформирована таким образом, что обеспечивает должную защиту военных секретов. Ни одно из государств мира не согласилось бы подписать Конвенцию, которая не защищала бы его военные секреты от разглашения.

Прежде всего, Россия будет сама определять информацию, которую она будет объявлять в международную Организацию по запрещению химоружия (ОЗХО), создаваемую в целях обеспечения выполнения Конвенции.

Согласно условиям Конвенции, Россия имеет право отвести, не называя к тому причин, кандидатуру любого инспектора или сотрудника ОЗХО, которым предлагается предоставить доступ к информации, касающейся российских военных и гражданских химических объектов.

Система кодификации конфиденциальной информации в ОЗХО организована таким образом, чтобы исключить к ней любой несанкционированный доступ. Для этого создается сложная информационная система, полностью изолированная от внешнего мира. Полный доступ ко всей предоставляемой Россией информации в ОЗХО будут иметь всего несколько человек, причем одобренных Россией. Даже Генеральному директору этой организации

такая информация^И будет предоставляться только в случае необходимости (и в каждом случае необходимость должна быть обоснована). Каждый запрос на информацию будет строго фиксироваться и проверяться.

Помимо защиты информации внутри Организации, в Конвенции заложен режим обеспечения защиты от злоупотребления мерами проверки. В рамках Подготовительной Комиссии, например, разработаны и согласованы конкретные критерии, на основании которых запрос на проведение инспекции по запросу может быть признан злоупотреблением на это право.

Что касается регулярных инспекций на объявленных объектах, то объем деятельности по проверке на таких объектах строго ограничен и лимитирован оговоренными в Конвенции конкретными целями проведения инспекций. Те или иные виды инспекционной деятельности могут проводиться только в том случае, если их применение необходимо для выполнения конкретных целей инспекции.

5. Дает ли система проверки по Конвенции возможность России держать под контролем состояние дел с химическим оружием в государствах-участниках?

Несомненно России, как и другим государствам-участникам Конвенции, будет предоставляться информация о деятельности ОЗХО по проверке в той мере, в которой эта информация не будет являться нарушением положений политики ОЗХО в области конфиденциальности. Россия будет получать и часть информации, которая может передаваться по запросу всем участникам Конвенции о положении дел со списочными химикатами в государствах-участниках.

По мере накопления объявлений и опыта проведения инспекций в ОЗХО будет накапливаться информация о потоках списочных химикатов в государствах-участниках и о разрешенной военно-химической деятельности. Таким образом, со временем будет вырисовываться и уточняться картина с перемещением таких хи-

микатов в мире и выявляться те точки на планете, где может иметь место злоупотребление списочными химикатами для целей, запрещенных по Конвенции.

Кроме того, Россия, как и другие государства-участники Конвенции, будет иметь право проводить инспекции по запросу на территории государств-участников в случае, если у нее будут основания полагать, что то или иное государство нарушает ее положения. За ратификацию Конвенции неоднократно высказывалась Служба Внешней Разведки России.

И наконец Россия находится сейчас на втором месте по числу кандидатов в международные инспектора ОЗХО, проходящих сейчас обучение на соответствующих курсах. Было бы жаль потерять это преимущество.

6. Не приведет ли система проверки по Конвенции к распространению из России и США информации, которая могла бы быть использована третьими странами для создания собственных военно-химических программ?

Производство химического оружия возможно наладить на многих предприятиях современной химической промышленности. Террористический акт в Токио показал, что в небольших количествах отравляющие вещества (ОВ) могут быть произведены даже террористическими организациями с использованием коммерческой технологии. Вместе с тем, секреты производства химического оружия состоят не столько в знаниях о расположении технологической цепочки специализированного оборудования, сколько в информации о параметрах технологического процесса синтеза тех или иных ОВ. Эти параметры не являются предметом проверки по Конвенции. Информация о них не должна предоставляться ни в ОЗХО, ни ее инспекторам. Россия провела для Подготовительной Комиссии ОЗХО курс специализированной подготовки кандидатов в международные инспектора на базе Саратовского высшего инженерного военного училища химической защиты. Курс был сформирован таким образом, чтобы инспекторам не передавались

те знания о производстве химического оружия, которые не могут быть получены из несекретных источников.

7. В условиях общего технологического и экономического превосходства США не окажется ли Россия в трудном положении если в Вашингтоне решат выйти из Конвенции и возобновить производство химического оружия?

Этот вопрос носит явно гипотетический характер и ответить на него однозначно непросто. Все будет зависеть от конкретных обстоятельств. Если по каким-либо причинам США решат выйти из Конвенции, то Россия должна будет определить, отвечает ли дальнейшее участие в Конвенции нашим национальным интересам. Вовсе не обязательно, что в случае выхода США из Конвенции, нашим интересам будет отвечать необходимость возобновить производство химического оружия. Вместе с тем, если решение возобновить его производство будет принято, то с учетом имеющегося у России опыта в этом отношении, развернуть производство на имеющейся промышленной базе можно будет в сроки, незначительно отличающиеся от американских.

Кроме того, для того чтобы представить угрозу для России, американское химическое оружие должно быть развернуто на передовых базах. Размещение такого оружия в Европе было невозможным даже в разгар холодной войны. Так, в 80-е гг. США были вынуждены эвакуировать свое химическое оружие из Германии - последней страны за пределами США, где оно размещалось.

Что касается сроков уничтожения объектов по производству химического оружия, то они были согласованы в Подготовительной Комиссии с учетом мнения российской делегации. Согласно принятому документу, в течение первых пяти лет должно быть уничтожено до 40 процентов упомянутых объектов, в последующие три года - еще 40 процентов и за последние два года остающиеся 20 процентов. Проценты определяются на основании значений, согласованных для ключевых элементов упомянутых объектов (например, демонтаж главной технологической линии, включая реакторы, трубопроводы, насосы, аппаратуры управления технологическим процессом составлял бы 35 процентов от общего

объема работ, требуемых для полного уничтожения объекта по производству ХО).

Кстати, именно ратификация Конвенции предоставит России веские основания для того, чтобы сохранить на длительный срок квалифицированные специализированные кадры в промышленности, задействуя их в работах по уничтожению химического оружия. Сохранение кадров является ключевым условием сохранения у нас потенциально возможностей для возобновления производства химоружия в чрезвычайных условиях. Отказ от ратификации приведет к утрате (в условиях непроизводства химоружия) этих квалифицированных кадров и, соответственно, к подрыву наших возможностей по возобновлению производства ХО, если того потребует международная обстановка. Конвенция не запрещает проведение работ в области защиты от химического оружия, для чего необходимо оценивать возможности создания новых его типов. Фундаментальные исследования в этой сфере должны продолжаться и получать адекватное финансирование для того, чтобы исключить возможность дестабилизирующего "технологического прорыва" США.

8. Охватывает ли Конвенция создание новых видов химоружия, включая бинарное?

Да. Конвенцией запрещены новые виды химического оружия, в том числе, бинарное. Это оружие должно быть уничтожено вместе с запасами унитарных ОВ. Разработки новых видов химического оружия, выходящие за рамки фундаментальных исследований, будут являться нарушением Конвенции. Режим проверки по Конвенции предусматривает меры для контроля за соблюдением этого обязательства, например, для бывших объектов по разработке ХО, а также инспекции по запросу.

9. Не приведет ли присоединение к Конвенции к одностороннему разоружению в плане средств защиты от химоружия?

Конвенцией разрешено проводить всю необходимую деятельность по созданию, производству и принятию на вооружение

средств защиты от химического оружия. Статус российских Войск радиационной, химической и биологической защиты никак не затрагивается положениями этого документа. Ясно, что до тех пор, пока химическое оружие не ликвидировано повсюду и полностью, будет сохраняться необходимость в таких войсках, также как и в их надлежащем оснащении и финансировании.

10. Можно ли использовать вопрос о ратификации Конвенции Россией в качестве политического средства противодействия расширению НАТО на Восток?

Нет. В условиях, когда у нас уже приняты решения об уничтожении химического оружия, когда вопрос о возобновлении его производства не стоит на повестке дня, такая угроза не будет рассматриваться нашими оппонентами в качестве реальной. Еще важнее, что Конвенция по химоружию - это глобальный, а не двусторонний или региональный договор, и отказ от его ратификации противопоставит Россию всему международному сообществу.

11. В состоянии ли Россия стать участником Конвенции, когда ее выполнение сопряжено с большими экономическими затратами?

В данном вопросе есть две составляющих.

Прежде всего, вопрос о том, присоединиться или нет к Конвенции, не является экономическим. В России принята Федеральная Программа уничтожения химического оружия, которая должна выполняться вне зависимости от того, будет ли ратифицирована Конвенция или нет. Таким образом, в экономическом плане речь идет о том, каковы будут экономические последствия для России уничтожения химического оружия вне Конвенции и в ее рамках. Разница состоит в расходах на международный контроль, которые могут составить всего 7 - 9 процентов от общих расходов на уничтожение ХО. По оценкам Бюджетного управления конгресса США - независимой от администрации исследовательской службы, - ежегодные расходы Соединенных Штатов на международную проверку, не только на инспекции, но и включая затраты на сбор и обработку объявлений, не будут превышать 33 млн. долл. Расходы

России будут - с учетом разницы в ценах, особенно в регионах - на порядок ниже.

Объем этих расходов будет зависеть от тех решений, которые будут приняты в ОЗХО после вступления в силу Конвенции. В рамках Подготовительной комиссии российской делегации удалось заблокировать попытки навязать России принятие таких решений по этому вопросу, которые ложились бы на нас тяжелым финансовым бременем. Скорейшая ратификация Конвенции помогла бы нам добиться приемлемого для России решения этого вопроса в ОЗХО, как через согласование соответствующих процедур, так и через участие в процессе формирования бюджета ОЗХО и ее политики в области персонала, численности Организации. Отсутствие же России среди первоначальных участников Конвенции лишит нас этой возможности.

Международный контроль предполагает не только расходы, но и доходы. Все затраты на контроль гражданских химических предприятий должен будет оплачиваться международной организацией. Расходы на проверку наших военных объектов должны будут оплачиваться Россией. Наша позиция в этом вопросе состоит в том, что оплачиваться Россией должны лишь те расходы, которые связаны с пребыванием инспекторов на российской территории. Одновременно, даже в случае с военными объектами, ОЗХО будет возмещать России расходы на переводческие услуги. Это - по международным расценкам - немалые деньги. Если сосредоточить координацию функций содействия инспекционной деятельности ОЗХО в рамках одного государственного ведомства, через которое велись бы все расчеты с Организацией, не исключено, что можно было бы свести к минимуму наши расходы на международный контроль, если вообще не оказаться в плюсе, за счет оплаты ОЗХО расходов на внутренние перевозки, размещение в гостиницах, питание, аренду инспекционного оборудования, в том числе аналитического, переводческие услуги, и пр.

Применительно ко второй составляющей, данный вопрос должен быть переформулирован таким образом - что в экономическом отношении для нас выгоднее - начинать уничтожение хими-

ружия сейчас или сделать это позже? Присоединиться к Конвенции и начать уничтожение химоружия по экономическим соображениям выгоднее сейчас.

Во-первых, у химического оружия, которое в настоящее время хранится на общевойсковых складах, в течение ближайших семи - десяти лет истекнут гарантийные сроки хранения. Если по истечении сроков хранения Россия не ликвидирует это оружие, то понадобятся дополнительные затраты на его регламентное и вне-регламентное обслуживание, а само уничтожение впоследствии обойдется дороже. По минимальным оценкам, без учета вероятного увеличения сроков строительства каждого из объектов по уничтожению, затраты на реализацию программы уничтожения ХО возрастут на 25% в случае затяжки сроков до 15 лет и на 50% - при их продлении до 20 лет.

Во-вторых, ликвидация химического оружия может и должна осуществляться при широкой международной поддержке. Шансы получить такую поддержку могут рассматриваться как реалистичные лишь в том случае, если Россия ратифицирует Конвенцию.

В-третьих, следует принимать во внимание и то обстоятельство, что, не ратифицировав Конвенцию, Россия может стать объектом экономических санкций на торговлю химикатами. Механизм санкций содержится в Конвенции. С момента ее вступления в силу вступают в силу запреты на экспорт и импорт химикатов Списка 1, через три года устанавливаются запреты на торговлю химикатами Списка 2, а через пять лет, по решению ОЗХО, могут быть установлены санкции на торговлю химикатами Списка 3. Это последнее решение может существенно ударить по экономическим интересам России. Для страны с развитой химической промышленностью такие потери могут составить сумму порядка сотен миллионов долларов в год, что соизмеримо с затратами на реализацию программы уничтожения химического оружия.

В-четвертых, нератификация Конвенции может дать удобный повод тем, кто желал бы поставить преграды экономическому развитию России, затормозить осуществление наших экономических

реформ. В Конвенции не оговорено, что санкции в отношении нератифицировавших государств должны ограничиваться теми, которые конкретно указаны в Конвенции. Весьма вероятно, что весь комплекс наших экономических отношений с внешним миром, и прежде всего, с Европой - крупнейшим внешнеэкономическим партнером России, будет поставлен в прямую зависимость от ратификации нами Конвенции о запрещении химического оружия.

Стоит упомянуть и о том, что вопрос о наличии или отсутствии бюджетных средств на выполнение Конвенции является вопросом государственных приоритетов. Наши сложности в этом плане трудно объяснить партнерам на международной арене на фоне того, что цена химического разоружения России в целом гораздо меньше годовой стоимости локального внутрироссийского конфликта (16 триллионов рублей).

По всем упомянутым обстоятельствам ратифицировать Конвенцию было бы выгоднее без задержек.

12. Целесообразно ли России становиться участником Конвенции сейчас, когда возможное отставание по срокам ликвидации ХО может привести к обвинениям в адрес России в несоблюдении ее международных обязательств?

Во-первых, собственно в Конвенции содержится ряд положений, позволяющих государству-участнику отложить установленные в Конвенции сроки уничтожения химического оружия. Первая такая отсрочка специально оговорена в Конвенции и составляет пять лет.

Во-вторых, в Конвенции прямо говорится, что если государство не успевает уложиться в установленные сроки, то оно вправе предложить изменить их. Эти предложения, вместе с соответствующим обоснованием, должны быть внесены в ОЗХО не позднее чем через 120 дней после вступления в силу Конвенции, то есть до 29 октября 1997 года. Таким образом, мы вправе скорректировать сроки уничтожения согласно оценкам реальных сроков создания материальной базы.

В-третьих, Россия могла бы применить и положения статьи 62 Венской конвенции о праве международных договоров. Если после ратификации Конвенции вопрос о нехватке средств на ее осуществление будет препятствовать ее выполнению, то изменение этого фактора может рассматриваться как изменение "существенных обстоятельств согласия участников на обязательность для них договора" и быть основанием для приостановления действия соответствующего положения Конвенции для России.

В-четвертых, в практическом плане этот вопрос является надуманным. Расчеты показывают, что уложиться в 15 лет с ликвидацией химического оружия не смогут и США. Там однако из этого не делают проблемы. Важно продемонстрировать, что предпринимаются все возможные усилия для того, чтобы обязательства государства-участника по Конвенции были выполнены. Если же этому препятствуют объективные обстоятельства, то никто не будет вешать на Россию обвинений в несоблюдении Конвенции. В конечном итоге, все будут вынуждены просто смириться с тем, что реальные сроки уничтожения ХО будут диктоваться действительными, а не "надуманными" масштабами проблемы. Можно было бы внести в резолюцию о ратификации положение о том, что осуществление Россией обязательств в части графика уничтожения запасов химоружия будет осуществляться, в том числе, и исходя из наличия выделяемых на эту программу бюджетных ассигнований.

Наконец, следует учитывать, что, на данный момент, большинство ратифицировавших или близких к ратификации стран, включая США, не готовы к полному выполнению своих обязательств по Конвенции. Отсутствие России дает им возможность выйти сухими из воды, свалив всю ответственность на нас. Ратификация же Конвенции дает нам возможность договориться о том, что надо избегать излишней придирчивости.

13. Каковы перспективы оказания России международной помощи в условиях ратификации или нератификации Конвенции?

Ясно одно, что предоставление любой международной помощи будет прекращено, если Россия не ратифицирует Конвенцию.

Если же Конвенция будет ратифицирована, то у России будет больше оснований требовать предоставления международной помощи под необходимость выполнения ее международных обязательств. Если же обязательства не приняты, то подо что собственно и требовать помощь?

Есть договоренность с США о строительстве в России объекта по уничтожению химоружия общей стоимостью в 400 млн. долларов. Германия оказывает России помощь в строительстве аналогичного объекта в Горном. Помощь готовы предоставить голландцы, финны, шведы. Готовятся варианты оказания централизованной программы помощи по линии Евросоюза, прежде всего, по линии защиты окружающей среды.

Есть перспектива использования российской технологии уничтожения химического оружия в США. В этом случае мы будем ставить перед американцами вопрос о подписании соответствующих лицензионных соглашений.

14. Не надо ли подождать разработки новых более совершенных технологий уничтожения химического оружия?

Совместный эксперимент по изучению российской и американской технологий уничтожения ХО показал, что российская технология значительно безопаснее американской. Именно поэтому американцы сейчас ставят вопрос о задействовании российской технологии уничтожения ХО на ряде своих объектов по их хранению. Имеется совместное заключение, подписанное представителями России и США, в котором признано, что двустадийная технология является безопасной и может быть рекомендована для уничтожения фосфорорганических ОВ. Оно подтверждено между-

народной комиссией, в которую входили уважаемые в международном химическом сообществе специалисты.

Не может быть изобретено абсолютно безопасной технологии уничтожения ХО. Исследования показывают, что при использовании существующих технологий риск инцидентов чрезвычайно низок. Тем более абсурдным звучит аргумент, что опробованной технологии уничтожения ХО не существует и, поэтому, это оружие нельзя уничтожать. Понятно, что для того, чтобы опробовать технологию, надо ее применить. Если же устанавливается запрет на применение технологии, то и опробовать ее невозможно. Выходит замкнутый круг.

Тем временем, пока мы будем уповать на создание новой технологии (под разработку которой надо еще выделить средства и ждать, пока они дадут результат) химическое оружие будет храниться, стареть и становиться более опасным как в хранении, так и при уничтожении. Соответственно, со временем, нынешние технологии, которые сегодня обеспечивают достаточную степень безопасности при уничтожении ХО, уже такой гарантии могут и не дать. А перспективы начала крупномасштабного финансирования разработки новых (доселе неизвестных) технологий пока остаются на нуле.

Затягивать с началом уничтожения нельзя. Запасы же кожно-нарывных ОВ, хранящиеся в крупномасштабных емкостях, требуют срочно начинать процесс уничтожения.

15. Возможна ли в условиях Конвенции для России конверсия объектов по производству химического оружия?

Да, возможна. Конвенцией предусмотрена возможность конверсии бывших объектов по производству ХО. В рамках Подготовительной комиссии пока не завершена разработка документов, регламентирующих параметры осуществления конверсии. Вместе с тем, в проектах таких документов заложен главный принцип - конверсированные предприятия не должны отличаться от стандартов, существующих в гражданской промышленности. Такие стан-

дарты сегодня очень высоки. Решение относительно того, насколько объем работ по проведению конверсии адекватен таким стандартам, будет приниматься Техническим Секретариатом и, затем, на основе его рекомендаций, Исполнительным Советом ОЗХО. По сути, вопрос будет состоять в следующем - сколько времени может понадобиться для того, чтобы развернуть на конверсионном объекте производство химического оружия? В зависимости от ответа на этот вопрос будет приниматься решение об интенсивности последующих инспекций на таком объекте.

16. Возможные последствия задержки с ратификацией для химической промышленности?

Прежде всего, это возможность установления санкций, а также других ограничений на связи с внешним миром в области химической промышленности. Не исключено, что многие компании откажутся от программ сотрудничества с Россией для того, чтобы избежать негативного имиджа. Это обстоятельство будет несомненно использовано для вытеснения российской химической продукции с европейского, американского и японского рынков.

17. Какова стоимость проверки по Конвенции?

Стоимость проверки по Конвенции может быть либо предельно низкой, либо достаточно высокой. По оценкам Подготовительной комиссии стоимость той части расходов на проверку, которая могла бы возмещаться Россией ОЗХО, может достигнуть суммы в 3 - 10 млн. долл. в год. Все будет зависеть от того, как будет проводиться проверка. Для того, чтобы иметь возможность оказывать воздействие на формирование параметров режима проверки, необходимо как можно раньше ратифицировать Конвенцию.

Например, инспекции всех объектов по хранению химического оружия могли бы проводиться последовательно один-два раза в год. Такие инспекции были бы гораздо дешевле, чем инспекции, проводимые индивидуально. Если Россия приняла бы на себя обязательства обеспечить инспекторов всем необходимым (по внутренним расценкам), то суточные инспекторам составляли бы

всего 20 процентов от их нормального уровня, а именно, около 20 долларов на инспектора в день. Можно было бы договориться о том - и это записано в Конвенции - чтобы непрерывное наблюдение на объектах по производству проводилось регистрирующими приборами, а инспектора приезжали бы лишь периодически сверять такие показания. Параллельно инспектора могли бы проводить и инспекции расположенных рядом с объектами по уничтожению ХО войсковых складов по хранению химоружия.

При проведении инспекций на военных объектах, которые должны оплачиваться стороной - собственником данного объекта, возможно, однако, и возмещение расходов на предоставленные инспекционной группе услуги, например, перевод. Международные расценки на перевод высоки и, применительно к российским военным объектам, должны полностью возмещаться российской стороне.

Что касается инспекций гражданских химических предприятий, то здесь действует принцип полного возмещения издержек предприятий. Предприятие могло даже и подзаработать на инспекционной группе, предоставив ей в аренду то или иное оборудование, которое может понадобиться для инспекции. То же касается и предоставления оборудования на военных объектах - мы будем экономить средства на том, что аналогичное оборудование не придется везти в Россию из Голландии.

18. Не приведет ли ратификация Конвенции к непосильному бремени для предприятий промышленности в плане предоставления объявлений и проведения инспекций?

По отзывам самих представителей химической промышленности, на тех предприятиях, где проводились пробные инспекции, бремя инспекций ОЗХО не идет ни в какое сравнение с бременем национальных инспекций, которые каждое предприятие вынуждено принимать по несколько раз в год.

Что же касается предоставления объявлений, то для большинства гражданских химических объектов ежегодное заполнение

5 - 10 бланков, содержащих в основном ответы типа "да/нет", не должно составить дополнительных забот.

19. Не приведет ли отказ США от отбора проб на объектах по хранению к подрыву эффективности контроля?

Нет. Не приведет. Такие пробы будут отобраны либо на объекте по хранению, либо на объекте по уничтожению. Последние будут, как известно, строиться в непосредственной близости от объектов по хранению. Никто не может запретить и России установить национальный запрет на отбор проб на объектах по хранению химического оружия.

20. Не скажется ли негативно ратификация Конвенции на состоянии окружающей среды?

Наоборот. Ликвидация химического оружия под международным контролем будет давать дополнительные гарантии того, что уничтожение химического оружия осуществляется в строгом соответствии с международными нормами обеспечения безопасности как персонала объекта и инспекторов, так и, разумеется, населения, проживающего в районе, где проводится уничтожение химического оружия.

21. Каковы будут последствия затягивания ратификации в политическом плане?

Во-первых, высок риск осложнения отношений с внешним миром в самом широком плане. Конвенция подписана 160 государствами мира: в том числе и развивающимися. Мы здесь не соревнуемся с США и другими западными странами. Нератификация нами Конвенции будет вызовом всему мировому сообществу.

Это может сказаться и на экономических позициях России, перспективах предоставления нам кредитов и займов, нашего вступления в международные организации, помимо ОЗХО, включая экономические и торговые.

Во-второе, это даст аргумент сторонникам дальнейшего расширения НАТО, может быть использовано для нового подстегивания гонки вооружений, выдержать которую мы, по понятным причинам, не в состоянии.

Ратификация Конвенции будет свидетельством того, что Россия остается сильным и ответственным членом международного сообщества, сохраняющим свой статус великой державы.

В конечном счете, Россия может потерять плоды четырехлетней работы российской делегации в Подготовительной комиссии, а также влияние на работу ОЗХО изнутри: в этой организации могут работать лишь граждане ратифицировавших Конвенцию стран. Сейчас Россия широко представлена во временном Техническом секретариате на ключевых должностях во всех его отделах.

Следует учитывать и то обстоятельство, что, судя по последним событиям, США и ряд других западных стран не прочь использовать вероятность отставания российской ратификации для принятия решений, определяющих основные направления работы ОЗХО на годы вперед без учета интересов России и для подрыва нашего влияния в организации. Не будучи членом организации, России будет трудно этому противодействовать, а затем восстанавливать утерянные позиции.

Наконец, вполне вероятно, что США могут выступить на первой конференции государств - участников Конвенции в мае с.г. с предложениями, направленными на то, чтобы изменить баланс обязательств по Конвенции в свою пользу. Противодействовать этому или, наоборот, использовать это обстоятельство для выработки нужных для нас интерпретаций соответствующих положений Конвенции мы не сможем, если запоздаем с ратификацией.

22. Как складывается ситуация после 29 апреля, когда Конвенция вступила в силу без России?

У нас еще есть время ратифицировать Конвенцию в течение мая с.г. В мае будет проходить первая конференция государств-

участников Конвенции. Если в течение конференции поступит известие о российской ратификации, мы можем рассчитывать на то, что политический ущерб интересам России от нератификации будет минимальным. Если же никакого движения в направлении ратификации не произойдет, то можно будет считать, что многое из того, к чему стремилась Россия в Подготовительной Комиссии на протяжении четырех лет ее работы может быть потеряно. Россия потеряет возможность влиять на процесс осуществления Конвенции, в том числе, через формирование ее бюджета. А это самым непосредственным образом может сказаться на расходах на осуществление Конвенции впоследствии, когда мы под давлением мирового общественного мнения будем вынуждены войти в состав ее участников.

Подготовлено экспертами ИМЭМО РАН